

с некоторым ограничением, как этого потребовало нормальное назначение 7 миллионов для Министерства народного просвещения. Это же слышал я от г. Новосильского, у которого был накануне, чтобы узнать, когда могу представиться г-ну министру. Разговорившись с г. Новосильским, узнал я, что все рассказы московские о Дерптском университете ложны и что в Москве запрещен журнал «Телескоп» [42], а цензор [А. В.] Болдырев отставлен от этой должности.

С отличным уважением и совершенной преданностью честь имею называться

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою

Николай Лобачевский

1836

Октября 29

Помета Мусина-Пушкина: «Полу[чен]о 15 нояб[ря] 1836». ГК, № 20. Публикуется впервые.

27. М. Н. Мусину-Пушкину (17 августа 1838)

Милостивый государь

Михаил Николаевич

Высочайшим указом пожалованный в чин действительного статского советника [43], я совершенно убежден, что такой великой милости от государя императора удостоился по Вашему ходатайству и по тому вниманию, которое Вам угодно было оказать к моей службе. Будьте уверены, Ваше превосходительство, что чувство признательности усилит еще более мое усердие в исполнении возложенной должности, которую проходить под Вашим начальством считаю за счастье, будучи всегда исполнен к Вам отличного уважения.

Следующие деньги за повышение чином буду иметь честь доставить Вашему превосходительству вследствие предписания 16 августа, № 3409, согласно с узаконениями немедленно по расчету, который от меня предложен сделать в Правлении университета.

С истинным почтением и совершенной преданностию имею честь быть

Вашего превосходительства
покорнейший слуга

ректор университета
Николай Лобачевский

1838

Августа 17

Помета Мусина-Пушкина: «Полу[чен]о 17 ав[густа] 1838». ГК № 21. Модз., № 426.

28. И. Е. Великопольскому (27 августа 1838)

Благодарю покорнейше за поздравление и за эпитафию [44]. Ручаться за себя нельзя; но как я намерен не сходить в могилу ни для одного друга, ни для родственников, даже и для знакомых, то, если в этом успею, буду благодарен Вам за благовременное напоминание, о котором то же должен сказать, что мы говорим в механике: всякая сила производит свое действие. Впрочем, повышение в чины зависит от обстоятельств по службе, тогда как мне хочется удержать за собой значение, которое бы мне особенно принадлежало, было бы чем-нибудь собственным. Я продолжаю мои любимые занятия, сколько досуга позволяют. Вы тоже выбрали для себя круг, где Ваша наклонность и способности ищут для себя пищи, как истинного наслаждения в нашей жизни. Наши сношения с Вами, надеюсь, всегда будут как родственников

и как людей из мира умственных занятий, где чинов нет. Участие в Ваших литературных утёхах всегда будет с моей стороны искренним и доброжелательным [45]. Как родственник готов был бы оказывать Вам услуги и сожалею, что случай не доводит меня быть как-нибудь значительно полезным. Напротив, Вы меня весьма много уже одолжили.

Примите от меня искреннее уверение вуважении и преданности

Вашего брата
Н. Лобачевский

1838

Август 27

ГК, № 27. Модз., № 427.

29. И. Е. Великопольскому (4 января 1839)

Поздравляю Вас, Иван Ермолаевич и Софья Матвеевна, с Новым годом. Архип доставит это письмо и скажет, в каком положении теперь Владимир Ростовский. Наши лекаря находят его безнадежным, в чахотке совершенно развившейся, которую не в человеческих силах удержать. По рецептам и рассказам больного, в Москве точно так же разумели болезнь и давали лекарства не в надежде вылечить, а желая только облегчить болезнь. Таково заключение консилиума, который мы здесь делали. Очень жалко молодого человека, особенно Ростовского, со способностями, с добротою в сердце, наполненном чувствами.

Я бы затруднился отправить к Вам Архипа, если бы не случился здесь профессор [Д. М.] Переовоциков, который согласился взять его с собою.— Архип у Вас прекрасный человек, усердный, трудолюбивый и добрый. Я послал его теперь к г. Крюкову узнать о картинах и портретах, но не думаю, чтоб они изготовлены были к отсылке в Москву, по обещанию живописца. Не думаю потому, что портреты мой и жены еще не докончены, а Крюкову хотелось все отослать к Вам разом [46].

Ваш мальчик Дмитрий вышел хороший фельдшер, но, к сожалению, болен до того глазами, что хорошо, если потеряет только один глаз. В своей болезни он иногда не бережет себя: попивает. Другой мальчик, Федот [47], послабее в способностях, исправился много в последнее время. По словам нашего аптекаря ¹⁾, он совершенно хорошо разумеет все аптекарские манипуляции, но должен еще с полгода заняться в лаборатории, особенно приготовлением мазей и пластырей. Аптекарь дал мне слово заняться Вашим Федотом особенно.

Думаю, что Вы давно получили доверенность на продажу людей из Можарова [48]. Сейчас получил от Вас письмо с другим на имя Ростовского. Вы действительно хорошо сделали, что больного отправили в Казань. Дорогой ему было лучше, нежели в Москве и теперь в Казани. Это поправление, однако ж, обманчиво: болезнь усиливается в последствии. Вот почему, несмотря на желание больного, выезжать и прогуливаться не дозволяют наши лекаря. Вы особенно хорошо сделали, отправив больного сюда, потому что здесь он более дома, более может найти для себя утешения, видя всех родных, знакомых и товарищей своего детства. Самая большая выгода для него, которой может он утешаться, что здесь врачи без всякой холодной расчетливости принимают истинное участие в его положении и доказывают на каждом шагу доброжелательство и усердие. Когда созвал я консилиум, то никто из приглашенных не взял денег. В столицах таких примеров не бывает.

¹⁾ Ф. П. Губицкий.